

Итак, сегодня сложилась ситуация, когда меньшая доля населения готова работать так, как того требует рыночная экономика, и получать адекватное вознаграждение. Эта группа состоит в большей степени из мужчин, лиц молодого и среднего возраста, образованных, причем горожан среди них примерно столько же, сколько жителей села. Среди людей, предпочитающих небольшую, но твердую оплату за работу, предоставляющую к тому же много свободного времени, преобладают лица с низким уровнем дохода и образования. Прочие признаки не оказывают заметного влияния. Особенностью региона является наличие значительной доли населения, нацеленной на карьерный рост и инновационный характер работы.

Работа выполнена при поддержке гранта № РГНФ 06-03-00566а
«Социокультурный портрет региона»

¹ Заславская Т. И., Рывкина Р. В. Социология экономической жизни. Новосибирск, 1988.

² Статистический ежегодник. Сб. в 4-х частях / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2005; Статистический сборник. Социально-экономические показатели. М., 2005.

³ Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика. Материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов». Москва, 27 июня – 1 июля 2005 г. / Под ред. Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. М., 2006.

Г. Р. Кадырова

ГРАНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУРЫ И ЛИЧНОСТИ

Внутренний мир каждого человека индивидуален, но, бесспорно, он не свободен от влияния природных и социокультурных феноменов и в значительной степени определяется ими. Действительно, от рождения на каждом этапе своего развития человек усваивает культурные традиции окружающего его социума.

Первые серьезные научные исследования взаимосвязи личности и культуры начались в 1930-х годах. Этнографы и психологи, увлекшиеся этой проблематикой, создали научную школу, которую так и называли – «Культура и личность».

Американский этнопсихолог М. Мид (одна из основательниц школы) и ее коллеги – психоаналитик А. Кардинер, антропологи Р. Линтон и К. Дюбуа – стали изучать обычаи, обряды и верования людей, принадлежавших к разным культурам, с целью выявления особенностей структуры их личности. Исследования привели к выводу об определяющем влиянии культуры. Ученые предположили, что в каждой культуре есть доминирующий тип личности – базовая личность.

По мнению Р. Линтона, базовая личность – особый тип интеграции человека в культурную среду. Такой тип включает в себя особенности социализации членов данной культуры и их индивидуально-личностные характеристики. По определению А. Кардинера, базовая личность – это «... техника размышлений, система безопасности (то есть стиль жизни, посредством которого человек получает защиту, уважение, поддержку, одобрение), чувства, мотивирующие согласованность (то есть чувство стыда или вины) и отношение к сверхъестественному»¹. Базовая структура личности передается из поколения в поколение через воспитание и в какой-то мере определяет судьбу народа. Например, миролюбивый характер племени зуни, по мнению Кардинера, обусловлен закрепленным в структуре туземного общества сильнейшим чувством стыда. Это чувство – результат жесткого семейного воспитания: дети целиком зависят от настроения родителей, подвергаются наказанию за малейший проступок и т. д. По мере взросления страх перед наказанием трансформируется в страх не добиться успеха в социуме, что сопровождается чувством стыда за свои осуждаемые обществом поступки. Линтон объяснял агрессивность и воинственность туземцев из племени танала репрессивным характером их культуры. Вождь и племенная верхушка подавляли любое проявление самостоятельности, жесточайшим образом преследуя тех, кто нарушал установленные нормы и правила поведения.

И Линтон, и Кардинер подчеркивали, что изменение социальной организации неизбежно ведет к изменению базового типа личности. Подобные трансформации случаются, когда внедряются новые трудовые технологии, расширяются контакты с соседними племенами, заключаются межплеменные браки и т. п.

Позже понятие базовой личности дополнили понятием модальной личности. Последняя – наиболее часто встречающийся в культуре тип личности, обнаруженный эмпирическим путем.

Пытаясь выявить модальную личность у того или иного народа, исследователи использовали данные наблюдений, биографические сведения, результаты психологических тестов. В основном применялись так называемые проективные тесты (интерпретируя неопределенные изображения, человек невольно раскрывает свой внутренний мир): тест Роршаха (интерпретация причудливых чернильных пятен), тест незаконченных предложений. Тест Роршаха на время стал «любимой забавой» психологических антропологов. Ученые надеялись, что он будет особенно полезен в работе с народами, принадлежащими к бесписьменным культурам. В конце 1940-х годов Энтони Валлас с помощью этого теста провел одно из самых ранних исследований модальной личности в общине американских индейцев тускарора. Валлас работал с 70 взрослыми индивидами. Что же за личность ему открылась? Характерными особенностями индейцев оказались бессознательная зависимость от других; страх быть отвергнутым соплеменниками; компенсаторное желание стать гипернезависимым, агрессивным, самодостаточным; неспособность реалистически оценивать окружающую среду, приверженность стереотипам. Данные, полученные Валласом, не поддавались однозначному объяснению. Тест, не свободный от влияния культуры, в которой появился, мог оказаться

достоверным лишь для европейцев; внутренний мир людей не только не свободен от влияния природных и социокультурных феноменов, но и в значительной степени определяется ими.

Логическим продолжением исследования взаимосвязей и взаимовлияний между культурой и личностью стало изучение национального характера. В сознании каждого народа в стереотипной форме живут представления о типичных чертах той или иной нации: англичане консервативны, французы возбудимы и легкомысленны, немцы аккуратны и трудолюбивы, испанцы горды и т. д. Таким образом, широко распространена точка зрения, что представители одной нации имеют общие черты, отличающие их от других народов.

Традиции житейского и литературного описания национальных характеров восходят ко временам античности (труды древнегреческого философа Теофраста и римского историка Тацита). В XX столетии эта тема живо увлекала Л. Барцини, писавшего об итальянцах, философа Н. О. Лосского (1870–1965), исследовавшего характер русского народа, и других мыслителей. Особенно активно занимались проблемой национального характера в США во время Второй мировой войны. Понимание психологии врагов и их лидеров могло оказаться полезным и при планировании военных операций, и при реализации послевоенной государственной политики. Многие известные антропологи (Р. Бенедикт, К. Клакхон и др.) переехали в Вашингтон, чтобы принять участие в изучении национальных характеров (прежде всего японцев и немцев).

Япония была самым экзотичным противником в этой войне. Действия японского правительства, да и простых солдат, часто ставили американцев в тупик. Например, поражал фанатизм – слепая преданность императору и готовность покончить с собой в случае неудачи. Еще больше удивляло поведение пленных японцев. Они проявляли готовность вступить в американскую армию, снабжали врагов детальной информацией, с энтузиазмом работали и т. п. Подобным фактам попытался дать истолкование К. Клакхон. По его мнению, военнопленные воспринимали себя «социально мертвыми» (отношения с семьей, друзьями, страной они считали законченными), но физически были живы и надеялись войти в новое общество. Американские антропологи сделали вывод, что мораль японского общества обусловлена ситуацией. Р. Бенедикт в книге «Хризантема и меч», написанной под впечатлением от общения с японскими военнопленными, объяснила их необычайную лояльность и послушность идеей обязанностей перед группой. Слова пленного японца: «Если нет общества, человек не должен сохранять самоуважение», определили понимание автором книги личности японцев. Бенедикт пришла к выводу, что они нуждаются во внешней санкции на самоуважение. Эту особенность национального характера многие американские исследователи сочли свидетельством отсутствия у японцев морального ядра личности.

Другие американские антропологи называли стержнем характера взрослого японца долг или обязанность, поскольку японцы среднего возраста имеют гораздо меньше личной свободы, чем дети или старики². (В американском обществе все наоборот: у детей и стариков меньше личной свободы, чем у людей в расцвете лет.)

Немецкий национальный характер изучал немецко-американский психолог Э. Фромм. Он попытался понять: почему немецкий народ поддался диктаторскому режиму Гитлера? Появление нацистского движения в Германии Фромм объяснял тем, что в стране преобладает авторитарный тип личности. Люди подобного склада обязательны и услужливы по отношению к вышестоящим, но с подчиненными ведут себя в повелительной и презрительной манере. Они тревожно реагируют на демократические институты и демонстрируют сильную тенденцию «бегства от свободы» в авторитарные системы, где ощущают себя более комфортно.

После войны ученых заинтересовал русский национальный характер. Британский антрополог Д. Горер выдвинул «пеленочную» гипотезу. Развила и популяризировала ее М. Мид, а Э. Эриксон изложил основные идеи концепции в статье «Легенда о юности Максима Горького». Русские вплоть до середины XX века следовали традиции туго пеленать младенцев (иногда до полутора лет). Лишь на короткое время детей освобождали от пеленок, мыли и активно с ними играли. Эта практика, полагал Горер, приводила к тому, что малыши росли сильными и сдержанными. Антрополог образно связал данную традицию (длительные периоды неподвижности и короткие периоды мускульной активности и интенсивного социального взаимодействия) с некоторыми чертами русского национального характера и внешней политики России.

Многим русским, по его мнению, свойственны сильные душевные порывы и всплески социальной активности между долгими периодами депрессии и «самокопания». Та же тенденция определяет и политическую жизнь общества: целые эпохи покорности внешним авторитетам перемежаются яркой, интенсивной, однако непродолжительной революционной активностью. Правда, Горер ни в коей мере не утверждал, что именно практика тугого пеленания породила авторитарные политические институты (царизм, сталинизм) и сформировала основу маниакально-депрессивной базовой личностной структуры русских. Скорее он хотел отметить сходство культурных моделей поведения в разных сферах жизни: тугое пеленание как один из способов общения родителей с детьми осуществляло передачу идеи о необходимости сильного внешнего авторитета. В настоящее время «пеленочная» гипотеза не столь популярна, но до сих пор встречается во многих отечественных и зарубежных учебниках.

Российская исследовательница К. Касьянова в своей книге «О русском национальном характере» сравнивает личности американцев и русских³. Чем русские отличаются от американцев? Например, большей импульсивностью и в то же время склонностью подавлять свои эмоциональные реакции, медлительностью «вхождения в работу». Назвав самые явные отличия, Касьянова выдвинула стройную и интересную концепцию узловых моментов русского национального менталитета. Особое внимание она уделила социальным архетипам, которые на бессознательном уровне определяют поведение в типичных для нашей культуры социальных ситуациях. Например: самопожертвование во имя ценностей культуры, самоограничение ради благополучия других людей, жажда праздника, апелляция к личности (царю, правителю), акцентирование души человека в противовес

внешнему деланию, или труду. Автор отметила, что труду в системе ценностей русской культуры отводится явно подчиненное место. Труд невозможно перевести в другой разряд, не нарушив всей системы.

Восклицание поэта: «Чем был бы хуже твой удел, когда б ты менее терпел?», обращенное к русскому народу, исследовательница посчитала верхом непонимания своей культуры. «Терпение для нас, – пишет Касьянова, – не способ достигнуть лучшего удела, ибо в нашей культуре терпение, последовательное воздержание, самоограничение, постоянное жертвование собой в пользу других, мира вообще – это принципиальная ценность, без этого нет личности, нет статуса у человека, нет уважения к нему со стороны окружающих и самоуважения...».

Личность не остается неизменной. Она меняется с изменением общества и культуры. Переместившись из одного общества в другое, человек поневоле перенимает его нормы, а в какой степени он подвергается его влиянию, уже зависит от личных качеств индивида. Изменение культуры возможно и без изменения общества. Хотя культура всегда суть продукт общества, она всегда обладает весьма значительной долей самостоятельности. Уже передача культуры от одного поколения членов общества к другому – это процесс отличный от процесса развития общества. В основе изменения социальной сущности личности лежит преобразование социально-экономической структуры общества, замена одних социально-экономических отношений другими.

¹ Этнология в США и Канаде. М., 1989.

² Этнологическая наука за рубежом: Проблемы, поиски, решения. М., 1991.

³ Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1999.